

ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ в христианстве

Сомиков Александр Иванович

Аннотация. Рассмотрено противоречие в мировоззрении христианства

Любовь и ненависть это сильные чувства противоположного знака, обуревающие сознание человека и неподконтрольные разуму. Любовь сладостно возвышает, а ненависть угнетает. Обе они жаждут удовлетворения.

Начнем с ненависти, которая так или иначе известна всем.

Ненависть

Ненависть это мучительная жажда, особенно у любящего, которому пытаются помешать. Ее может утолить только уничтожение источника этой помехи. То есть убийство. И если его не удастся убить, то остается убить только себя. Такова сила ненависти, как и любви.

Ограничимся всего одной иллюстрацией ненависти, которую каждый может самостоятельно сколь угодно расширить Рис. 1.

Рис. 1. Сладостный миг убийства («Голос Омерики & Чача — Теория заговора»)

Жажда любви

Не менее интересна тема любви, с которой каждый по жизни тоже сталкивается. Предмет мечтаний многих, хотя доступный не всем Рис. 2.

Рис. 2. – Все мы жаждем любви – это наша святыня («Прекрасная Елена»)

Рис. 3. – Любовь, прекрасная царица, это великая тайна, сокрытая в узорном поясе богини Афродиты

Она подобна вулканическому извержению, неподконтрольному разуму («Рукопись, найденная в Сарагосе») Рис. 4.

Рис. 4. – Я приехал сюда уже влюбленный до потери сознания, хотя мне не было еще известно, в кого именно я влюблен

В отличие от ненависти любовь непостоянна и может после удовлетворения угасать. И вспыхивать вновь уже в другом направлении. Виды любви могут быть разными, соответственно их предметам.

Любовь или ненависть?

Здесь позиция христианства **крайне противоречива**. С одной стороны, оно объявляет себя религией *любви*. В подтверждение чего приводятся слова Христа

Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего.

А я вам говорю: любите врагов ваших.

Что можно понять как невиданное *расширение* любви до уровня, включающего не только ближних (что было *общеизвестно* и до Христа и в чем нет ничего нового), но и врагов (это уже реальная новизна). С возможностью полного устранения на Земле *ненависти* и оставления на ней одной только *любви*. Коль скоро любить следует даже врагов. То есть получается просто *всех*.

Эта позиция активно пропагандируется *на словах*. Но ей вдруг дается такое неожиданное пояснение.

Враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня (Мф. 10:34-37).

Здесь еще любовь к внезапно обнаруженным *врагам* в лице своих близких все же не отрицается. Просто обозначены два вида любви — к близким (то есть — *врагам*) и к нему самому. Первая должна быть меньше второй. Невыполнение этого требования оценивается как недостойное.

Но дальше обнаруживается возможность также и ненависти. Спрашивается — к кому? — К этим же самым близким «врагам» — отцу и матери, жене и детям, братьям и сестрам.

Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником (Лк. 14:25-27).

Теперь уже любовь к близким прямо отрицается и признается только одна любовь — к нему самому и ни к кому более. Но даже и этого уже недостаточно. Простое отсутствие любви должно быть заменено его противоположностью — *ненавистью*.

Тут уже расширенное до всемирности *требование любви* внезапно сменяется предельным ее сужением направленным лишь на него одного. С требованием ненависти к другим. И, прежде всего, к своим близким.

Резко меняющая смысл этого высказывания. Так как она может означать, что *недостойные* все-таки *могут любить* и только избранные обязаны *ненавидеть* своих близких/врагов.

На это чудовищное противоречие стараются не обращать внимание.

Возможно, такое противоречивое требование — любить/ненавидеть относится не ко всем, а только лишь к избранным, ближайшим сподвижникам и ученикам, достойнейшим из достойных. Каждый из которых должен уже безусловно ненавидеть своих близких.

Как можно одновременно любить и ненавидеть своих врагов, пусть даже и близких? — Это противоречие *неразрешимо*, хотя и уменьшено до круга близких учеников. Среди которых вроде бы были даже два брата, обязанные ненавидеть друг друга. Впрочем, возможно, замена слова МЕНЯ словами БЫТЬ МОИМ УЧЕНИКОМ это всего лишь попытка редактирования самой этой фразы, снижающая до минимума объем такого противоречия, хотя и не устраняющая его полностью.

Любовь в известное время проявляется повсеместно Рис.5.

Рис. 5. – Я тебя не знаю, но уже люблю. Приходи, милый («Жил министр обороны»)

Это невесты, которых по требованию Христа еще только предстоит возненавидеть.

Любовь или ненависть?

Выходит, что ненавидеть не только можно, но даже **нужно**, притом не кого-нибудь, а именно *близких*. Такую рекомендацию выполнить очень *легко*, а избежать, к сожалению, *трудно*. Что и подтверждается всей мировой литературой. Мы в этом смысле почти все являемся природными христианами. Хотя и в неодинаковой степени. Мне, например, трудно себе представить ненависть к своим близким, хотя и любовью не слишком избалован. Зато дружеская симпатия лично мне представима легко. Кроме этого любовь непостоянна, в отличие от ненависти. Сегодня она есть, а завтра уже ушла. Тогда ее называют всего лишь страстью, хотя и неотличимой от любви.

Итак, до него следовало *любить близких и ненавидеть врагов*, теперь же нужно наоборот – *любить врагов и ненавидеть близких*.

Вот это уже действительно полный переворот, а вовсе не всемирное расширение любви. Любовь и ненависть при этом полностью сохраняются, но их объекты просто меняются местами. Можно, конечно, предположить, что эта *невиданная* рекомендация дана просто в пылу полемической запальчивости.

Но все объясняется еще проще. Когда именно сказаны те и другие слова? – Ответ такой – «а я вам говорю: *любите врагов ваших*» – после *преображения*, когда его душа еще была переполнена чувством *любви* ко всему сущему на Земле и просто не в состоянии кого-либо ненавидеть, даже своих врагов.

А в прочее время сам он прекрасно знает и ощущает ненависть – свою и чужую. Неустранимую вообще. Чем и разрешается это «непримиримое» противоречие.

Максимум, что может быть здесь предложено – от ненависти по возможности удаляться (идея ухода в пустынь). А если понадобится, активно сопротивляться, отвечая злом на зло, что и происходит во время войн. Или от борьбы отказаться,

согласившись на принуждение к рабству. Утешив себя иллюзией свободы «в духе» (то есть в каких-нибудь своих *мыслях*) Рис. 6.

Рис. 6. Достигнутая свобода «в духе»

Здесь на переднем плане показаны местные женщины, имеющие, разумеется, и детей, которых героиня тоже пыталась убить на морозе, поджигая дома, показанные на заднем плане. Откуда их теперь повыгоняли враги. А после расстреляют «за измену», то есть попытку *выжить*, вернувшиеся назад *наши*.

Другой пример подобной «победы», представлен самим Христом Рис. 7.

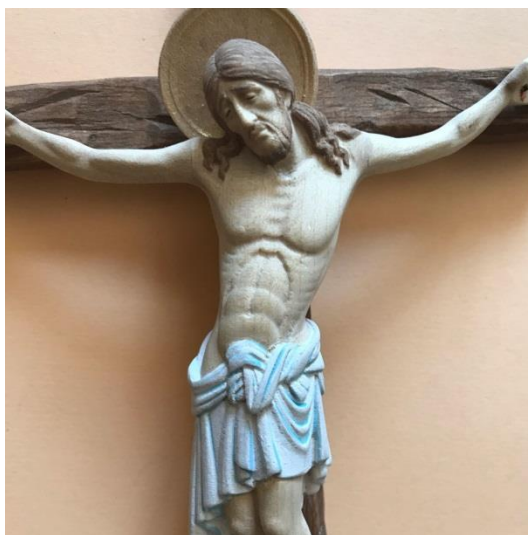

Рис. 7. Другой пример «победы» в духе.

Нелюбовь, к сожалению, распространена широко, любовь же в реальности мимолетна, что тоже требует пояснений. Прежде всего.

Любовь по принуждению невозможна

Любовь это *чувство*, к которому невозможно принудить. Оно может быть или не быть. *Не обладающий этим чувством* в его отсутствии *не виновен*, то есть в религиозной терминологии в этом БЕЗГРЕШЕН, чему свидетельство – бесконечность примеров *безответной* любви.

Но что еще более затруднительно и даже невыполнимо, в отличие от *страха*, – требование любви к БОГУ. О котором прямо ведь говорится – *Бога не видел никто никогда*. Здесь возникает такой вопрос – как можно любить то, чего никогда не видел? С таким же успехом можно «любить», например, время и массу, о которых тоже имеется смутное представление.

Поэтому в христианстве следовало бы заменить слово *любовь* словом *милосердие* или *человечность*. Чтобы избежать заведомо невыполнимого *требования* любви. Иначе ведь получается – говорят о *любви*, при этом зыряка по сторонам глазами *ненависти*. Что и является прямой *ложью*. Любить следует все-таки близких (пусть даже и названных «врагами»).

А для всех прочих без различения можно предложить только лишь МИЛОСЕРДИЕ, то есть человеческое отношение. И прежде всего к взыскующим МИЛОСТИ в виде материальной МИЛОСТЫНИ.

Любовь ко всем без разбора может привести к заполнению храмов одними лишь побирушками, требующими проявлений любви в форме их материальной поддержки. С вытеснением или изгнанием прихожан, взыскующих *духа свята* в своих личных молениях или молитвах. Чтобы этого не случилось и церковь не оскудела из-за отсутствия прихожан, придумано строго соблюдаемое разделение ищущих *духа свята* и просто материальной поддержки.

Последним *запрещено* находится внутри храма. Но чтобы не подвергать сомнению мысль о заявленной всеобщей любви, им отведено особое место *вне стен самого храма*. На так называемой ПАПЕРТИ. Куда их и ПОМЕЩАЮТ или, вернее, ПЕРЕМЕЩАЮТ.

Мимо которых вынуждены проходить прихожане, испытывая неловкость и неприятные чувства при виде подобных нищенствующих. Вместо возвышенных чувств – невыносимого зрелища грязных калек и назойливых попрошаек.

Конструктивно ПАПЕРТЬ представляет собой выступающая наружу лестницу, по которой входящие прихожане поднимаются вверх, а выходящие спускаются вниз.

ПАПЕРТЬ

*Притвор храма церк. предхрамие, передняя, **паперть**. Изыдите в притвор, оглашенные! | церк*

ПАПЕРТЬ ж. (па-перед?) притвор перед церковью, крыльцо, площадка перед входом. Кликуши на паперти стоят, а в церкви они начинают кликать.

*Папертный навес, Папертники, -ницы, **нищие**, кои толнятся на паперти, заступая вход в церковь.*

Смысл слова ПАПЕРТЬ

ПАПЕРТЬ это пристроенная снаружи храма вплотную примыкающая к его входной двери лестница, по которой прихожане храма поднимаются на некоторую высоту, символизирующую *возвышение в духе*, при входе в храм и спускаются по ней же при выходе из него. Символически выходя из более возвышенной области самого храма в наш нижний, «грешный», обычный мир.

Положение паперти на плане храма показано на Рис. 8.

Рис.8. ПАПЕРТЬ расположена снаружи у входа в храм.

Туда-то и допускаются нищие попрошайки, в подтверждение слов Христа о необходимости всеобщей любви Рис. 9.

Рис. 9. Нищий на ПАПЕРТИ

А чтобы мысль о всеобщем равенстве в части любви не искушалась из-за капризов погоды, могущей быть сырой и ветреной или морозной, она должна иметь крытый навес и в этом случае может называться просто крыльцом, то есть КРЫТЫМ. В зависимости от доходов храма, выражаемых в пожертвованиях, такой навес может быть бóльшим и меньшим и даже почти символическим

Рис. 10.

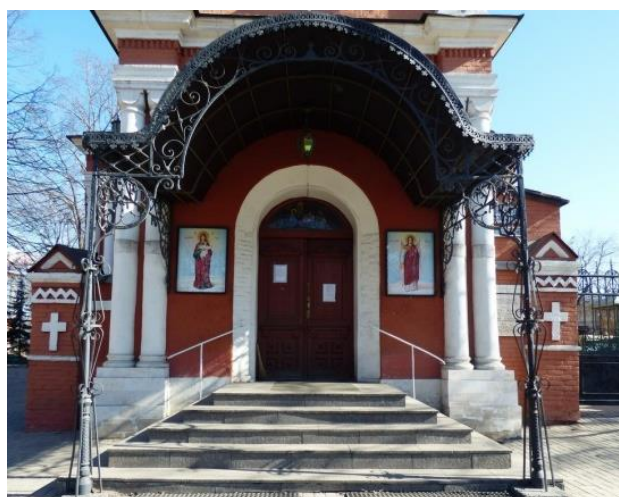

Рис. 10. ПАПЕРТЬ или КРЫЛЬЦО, имеющее перед входной дверью НАВЕС или КРЫШУ.

Его назначение – прикрытие нищих на ПАПЕРТИ от атмосферных осадков.

Происхождение слова паперть

Па́перть. Это слово заимствовано из старославянского языка, где было образовано приставочным методом (приставка па) от **исчезнувшего** существительного **перть**, **имевшего значение** «вход» (к этой же основе восходит латинское *porta* — «ворота»).

Происхождение слова *паперть* в *этимологическом словаре Крылова Г. А.*

Комментарий. Исчезнувшего, то есть несуществующего или же несуществовавшего? Имевшего значение это всего лишь толкование, а не этимология.

па́перть ж., блр. *па́перць*, др.-русск. *папѣрть* «преддверие: церковный притвор, паперть» (Устав XII в., Устюжск. кормч. и др.; см. Срезн. II, 878), ст.-слав. *папръть* *várθηξ*, «vestibulum» (Сунр.), болг. *папрът*. Из *ра-* + **ръть*, т. е. «передняя»; см. Фасмер, Гр.-сл. эт. 142; RS 5, 120; Буга у Преобр. II, 14 и сл.; Маценауэр, LF 12, 189; Mi. EW 231; Ильинский, РФВ 70, 265; Желтов, ФЗ, 1876, вып. 4, стр. 52 и сл.; Перссон 474 и сл. Нередко сближают далее с *перѣть*, пру. Неприемлемо произведение из греч. *παράπορτιον* (Христ. Чтение, 1891, вып. 4, стр. 148 и сл.) или из **παραπετάζω* *παραπετάννυμι* «свешиваюсь спереди» (Христ. Чтение, 1891, вып. 1, стр. 202 и сл.; AfsIPh 16, 560); см. Павлов, ЖМНП, 1890, окт., стр. 11; AfsIPh, там же. Неприемлемо также объяснение из *ра-* + лат. *porta*, вопреки Мурко (WiS 2, 128). Ср. *при́пер(е)ток* «предбанник» и *перть*.

Происхождение слова *паперть* в *этимологическом словаре Фасмера М.*

Па́перть. Заимств. из ст.-сл. яз., в котором оно является преф. производным от **утраченного** **пърть** «дверь» (ср. того же корня лат. *porta* «дверь, ворота»), суф. производного от *пърти* (>*переть*, ср. *запереть*, *отпереть*, *взаперти*). Паперть буквально — «преддверие, притвор».

Происхождение слова *паперть* в *этимологическом словаре Шанского Н. М.*

Предлагаемая этимология

ПА́ПЕРТЬ это сокращение ПА+ПЕРЁТЬ (в нормированной записи — ПОПЕРЁТЬ). В значении УДАЛИТЬ или ВЫПЕРЕТЬ (выгнать вон).

Это преддверие храма в виде пристройки, *выдвинутой* или выступающей ПЕРЕД его входной дверью Рис. 11.

Рис. 11. Молодожены на паперти

ПАПЕРТЬ это место для проявления любви *всеобщей*, а храм — *индивидуальной*, направленной непосредственно к богу. В надежде на его благосклонность.

LOVE and HATE in Christianity

Aleksandr Ivanovich Somsikov

Abstract. The contradiction in the Christian worldview is examined

Love and hate are strong feelings of the opposite sign, which overwhelm the human mind and are beyond the control of the mind. Love is sweetly uplifting and hate is oppressive. Both are hungry for satisfaction.

Let's start with hate, which is known to everybody in one way or another.

Hate

Hate is an excruciating thirst, especially for a lover who is being hindered. It can only be satisfied by destroying the source of the interference. That is, murder. And if one fails to kill him, one can only kill oneself. Such is the power of hate as well as of love.

Let us confine ourselves to just one illustration of hatred, which everyone can independently extend as much as he likes (Fig. 1).

Fig. 1. A sweet moment of murder (Voice of Omerica & Chacha – Conspiracy Theory)

Lust for love

The subject of love, which everyone faces in life, is no less interesting. An object of desire for many, though not available to everyone (Fig. 2).

Fig. 2. – We need love, even if no love is left in the world! (La belle Hélène)

Fig. 3. – Fair queen, love is the great mystery hidden in the patterned girdle of the goddess Aphrodite

It is like a volcanic eruption beyond the control of the mind (The Saragossa Manuscript) (Fig. 4).

Fig. 4. – I came here already unconsciously in love, although I did not yet know with whom I was in love

Unlike hate, love is impermanent and can fade and flare up again in a different direction after it has been satisfied. Types of love may be different, according to their subjects.

Love or hate?

The position of Christianity is **very** *contradictory* on this point. On the one hand, it declares itself a religion of *love* with the words of Christ as proof

You have heard that it was said, 'Love your neighbor and hate your enemy.' But I tell you, love your enemies.

This can be understood as an unprecedented *expansion* of love to include not only neighbours (which was *common knowledge* before Christ and there is nothing new in it), but also enemies (this is really new) with the possibility of completely eliminating *hate* from the earth and leaving only *love* on it, as long as even enemies should be loved, i.e. simply *everyone*.

This position is actively promoted *by word of mouth*. But it is suddenly explained in an unexpected way.

A man's enemies will be the members of his own household. Anyone who loves their father or mother more than me is not worthy of me; anyone who loves their son or daughter more than me is not worthy of me (Matthew 10:34-37).

There is still no denial of love for the suddenly discovered enemies in the person of his relatives. It is just that two kinds of love are indicated: for those close to him (i.e. *enemies*) and for him. The first must be less than the second. Non-fulfilment of this requirement is assessed as not worthy.

But further on, the possibility of hatred is also revealed. The question is, to whom? To these same closest 'enemies': father and mother, wife and children, brothers and sisters.

If anyone comes to me and does not hate father and mother, wife and children, brothers and sisters—yes, even their own life—such a person cannot be my disciple (Luke 14:25-27).

Love for loved ones is now explicitly denied and only one love is recognised, love for him and for no one else, but even this is no longer enough. The mere absence of love must be replaced by its opposite, *hatred*.

This is where the *demand for love*, extended to the world, is suddenly replaced by an extreme narrowing of it, directed at him alone, with a demand for hatred towards others and above all towards his own loved ones.

This sharply changes the meaning of the statement, as it may imply that the *undeserving* can still love and only the chosen are obliged to *hate* their loved ones/enemies.

One tries to ignore this monstrous contradiction.

Perhaps this contradictory requirement to love/hate does not apply to everyone, but only to the chosen, the closest associates and disciples, the salt of the earth, each of whom should unconditionally hate their loved ones.

How can one love and hate one's enemies at the same time, even if they are loved ones? This contradiction is *insoluble*, although reduced to a circle of close disciples, who even seemed to include two brothers obliged to hate each other. However, perhaps, the replacement of the word ME with BE MY DISCIPLE is just an attempt of editing this phrase itself, which minimizes the volume of such a contradiction, although it does not eliminate it completely.

Love in known time manifests itself everywhere (Fig. 5).

Fig. 5. – I don't know you, but I love you already. Come, darling (There Lived a Defense Minister)

These are the brides yet to be hated by Christ's demand.

Love or hate?

It turns out that one not only can hate, but even *should* hate, and not just anyone, but those *closest* to him/her. It is very *easy* to follow this recommendation, but unfortunately *hard* to avoid it, which is confirmed by the whole world's literature. In this sense, we all are natural Christians, although in different degrees. I, for example, find it hard to imagine hatred towards my loved ones, although I am not too spoilt for love either. But friendly sympathy, on the other hand, is easy for me to imagine. Besides, love is fickle, unlike hatred: it is here today but gone tomorrow. Then it is only called passion, although indistinguishable from love.

So, it used to *love your loved ones and hate your enemies* before him, but now it's the other way around: *love your enemies and hate your loved ones*.

This is really a complete reversal, not a worldwide expansion of love at all. Love and hate are fully preserved, but their objects are simply swapped. One may, of course, assume that this *unprecedented* recommendation is given merely in the heat of polemical fervour.

But the explanation is even simpler. When exactly were these and other words spoken? '*But I tell you, love your enemies*' was said after the *transfiguration*, when his soul was still overflowing with a sense of *love* for all things on earth, unable to hate anyone, even his enemies.

Meanwhile, he himself knows and feels hatred, his own and other people's, perfectly well, which cannot be eliminated at all. It resolves this 'irreconcilable' contradiction.

The maximum that can be suggested here is to distance oneself as far as possible from hatred (the idea of going into the wilderness). And if need be, to actively resist, answering evil with evil, which is what happens in wars. Or to give up the struggle, agreeing to be forced into slavery, comforting oneself with the illusion of freedom 'in spirit' (i.e. in one's *thoughts*) (Fig. 6).

Fig. 6. Freedom 'in spirit' achieved

This shows local women in the foreground, who of course have children, who have also tried to be killed in the cold by the heroine by setting fire to the houses shown in the background, from which they have now been chased away by the enemy. And afterwards they are shot 'for treason', i.e. for trying to *survive*, by *our* returnees.

Another example of this kind of 'victory' is presented by Christ himself (Fig. 7).

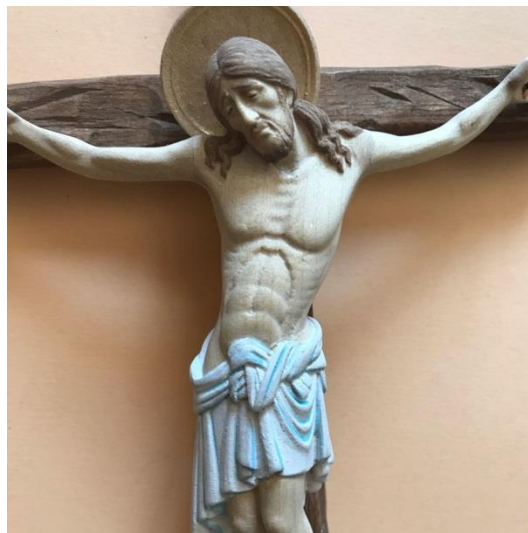

Fig. 7. Another example of 'victory' in spirit.

Antipathy is unfortunately widespread, while love is fleeting, which also requires clarification. First of all.

Love under pressure is impossible

Love is a *feeling* that cannot be forced. It may or may not be. One *who does not possess this feeling is not guilty* of its absence, that is, in religious terminology, sinless, as evidenced by the endless examples of *unrequited* love.

But what is even more difficult and even impossible, unlike fear, is the demand to love GOD, which is explicitly stated: *no one has ever seen God*. This begs the question: how can one love something one has never seen? One might as well 'love', for example, time and mass, about which one also has a vague idea.

This is why the word *love* should be replaced in Christianity with the word *mercy* or *humanity*, in order to avoid an obviously unrealizable *demand* for love. Otherwise, we would be talking about *love* while staring at each other with the *hatred*, which is a direct *lie*. All the same, one should love those loved ones (even if they are called 'enemies').

For all others, without distinction, one can only offer MERCY, i.e. a humane attitude. In the first place, we can offer CHARITY in the form of material ALMSGIVING to those who seek it.

Indiscriminate love for all can lead to the situation where temples are filled only with beggars demanding love in the form of material support and crowding out or expelling churchgoers who seek the *spirit of holiness* in their personal devotions or prayers. To prevent this from happening and to prevent the church from becoming depleted due to the lack of parishioners, a strictly enforced separation of those seeking the spirit of holiness and those merely seeking material support has been devised.

The latter are *forbidden* to be inside the church, but they are given a special place *outside the church*, in the so-called ΠΑΠΕΡΤЬ (parvis), where they are placed or, rather, moved in order not to question the idea of the declared universal love.

The parishioners are forced to walk past them, feeling embarrassed and uncomfortable seeing such beggars. Instead of lofty feelings, the unbearable sight of filthy cripples and intrusive beggars.

Structurally, ΠΑΠΕΡΤЬ is a protruding staircase to the outside, up which entering parishioners go up and exiting parishioners go down.

ΠΑΠΕΡΤЬ

*The vestibule of the temple, antechurch, **parvis**. Go into the vestibule, you who have been cried*

ΠΑΠΕΡΤЬ. female (na-nepeð?) vestibule before the church, the porch, the platform before the entrance. Parvis shed, beggars, who crowd on the parvis, barricading the entrance to the church.

Meaning of the word ΠΑΠΕΡΤЬ

ΠΑΠΕΡΤЬ is a staircase attached to the outside of the church, adjacent to its front door, which is used by the congregation to ascend to a certain height, symbolizing *elevation in spirit* when entering the church, and to descend when leaving it, symbolically leaving the more exalted area of the church into our lower, 'sinful', ordinary world.

The position of the parvis on the church layout is shown in Fig. 8.

Fig.8. *ПАПЕРТЬ* is outside at the entrance of the church.

It is where the beggars are admitted, as an evidence of Christ's words about the need for universal love (Fig. 9).

Fig. 9. A beggar on the parvis

In order that the idea of universal equality regarding love should not be tempted by the nature's caprices, which can be damp and windy or freezing, it should have a covered canopy and may be called a porch in this case. This canopy can be large or small, and even almost symbolic, depending on the church's income, expressed in donations (Fig. 10).

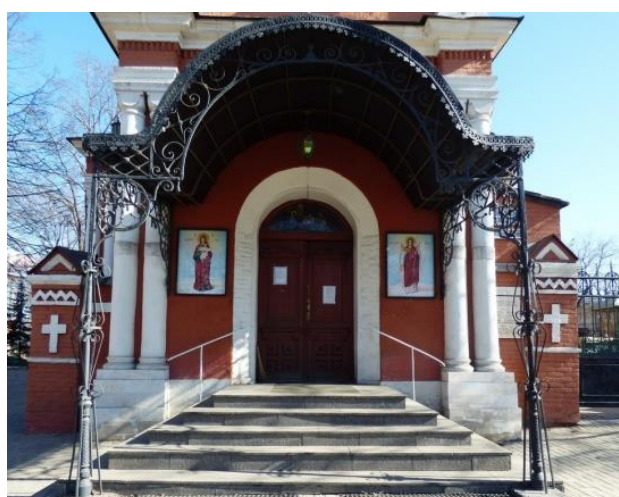

Fig. 10. Parvis or porch with a canopy or roof in front of the entrance door
Its purpose is to shelter the beggars on the parvis from atmospheric precipitation.

Origin of the word *nanepmь*

Πάνεpмь. This word is borrowed from the Old Slavonic, where it was formed by the prefix method (prefix *na*) from the **extinct noun *nepmь***, which **means** 'entrance' (the Latin *porta* 'gate' goes back to the same base).

Origin of the word *nanepmь* in the etymology dictionary of G. A. Krylov

Comment. Disappeared, i.e. it does not exist or it did not exist? Having meaning is just an interpretation, not an etymology.

нанеpмь female, Belarusian *нанеpць*, Old Russian *наньpмь* 'vestibule of the temple, antechurch, parvis' (The Charter of the 12th century, Ustyuzhsk. Kormch et al.; see Srezn. II, 878), Old Slavonic *nanpьmь* *νάpθηζ*, «vestibulum» (Supr.), Bulgarian *nanpьm*. From *pa-* + **pьrtь*, i.e. 'front'; see Vasmer, 142; RS 5, 120; *Būga* by Preobr. II, 14 et al.; Matzenauer, LF 12, 189; Mi. EW 231; Ilyinsky, RFV 70, 265; Zheltov, FZ, 1876, issue 4, p. 52 et al.; Persson 474 et al. It is often further conflated with *nepémь*, *npь*. A derivation from the Greek *παραπόρτιον* (Christian Reading, 1891, issue 4, p. 148 et al.) or from **παραπετάζω* *παραπετάννυμι* 'hanging down from the front' (Christian Reading, 1891, issue 1, p. 202 et al.; AfslPh 16, 560) is unacceptable; see Pavlov, Journal of the Ministry of National Education, 1890, Oct., p. 11; AfslPh, *ibid.* The explanation from *pa-* + Latin *porta*, contrary to Murko, is also unacceptable (WuS 2, 128). Cf. *npúnep(e)мoк* 'anteroom' and *nepmь*.

Origin of the word *nanepmь* in the etymology dictionary of M. Vasmer

Πάνеpмь. Borrowed from the Old Slavonic, where it is a pref. derivative from the **lost *ньpмь* 'door'** (cf. Latin *porta* 'door, gate' of the same root), suff. derived from *ньpмѣ* (>*nepemь*, cf. *занеpемь*, *омнеpемь*, *взанеpмѣ*). *Панеpмь* literally means 'anteroom, vestibule'.

Origin of the word *nanepmь* in the etymology dictionary of N. M. Shansky

Proposed etymology

ΠΑΠΕPΤЬ is an abbreviation of **ПА+ΠЕPÉТЬ** (**ΠΟΠЕPÉТЬ** in the normalized record) in the sense of REMOVING or KICKING OUT.

This is the church vestibule in the form of an annex, *extending* or *projecting* in front of its entrance door (Fig. 11).

Fig. 11. Honeymooners on the parvis

ΠΑΠΕΡΤЬ is the place for *universal* love, and the church for *individual* love, directed directly to God in the hope of his favour.